

УДК 34.03.33

DOI: 10.18384/2310-6794-2017-4-139-155

ОСНОВНОЙ ВОПРОС КРИМИНОЛОГИИ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Иванов А.А.¹, Шагиева Р.В.²

¹Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация

²Российская академия адвокатуры и нотариата
105120, г. Москва, Малый Полуярский пер., д. 3/5, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривая криминологию в качестве важнейшей составляющей борьбы с преступностью, государство во все времена сталкивается с проблемой самоидентификации криминологии либо как науки, либо как вида человеческой деятельности, либо как направления государственной политики. Об этом свидетельствует проведённый авторами исторический анализ основных этапов развития криминологических воззрений. В статье прослеживаются особенности генезиса и эволюции крупнейших направлений криминологических представлений: от собственно моральных и религиозных, социальных и биологических воззрений до уровня политических позиций. Так, были исследованы взгляды известных мыслителей Древнего мира и античности, средневековой схоластики, эпохи Возрождения и Нового времени, предвестников современных правовых школ, а также особенности и тенденции развития последних.

Констатируется, что проблема предупреждения правонарушений была известна ещё на заре общественного развития и рассматривалась как с религиозных, так и с нравственно-правовых позиций. В период средневековья, в условиях воинствующей теологии, разработка проблем профилактики преступлений схоластами шла в русле формулирования понятия “грех”. И хотя такая направленность исследований вряд ли могла соответствовать рационалистическим началам, тем не менее свой вклад в доктрину криминологической науки она внесла несомненно. Особенно это относится к представителям позднего средневековья, сумевшим преодолеть догматизм, казалось бы, неизбежной теологической криминологии. В Новое время развитие общественных наук получает иной импульс и кардинально изменяется вектор криминологических исследований, в силу чего во главу угла были поставлены внутренние проблемы и противоречия общества. Позднее (уже к середине XIX в. на передний план выдвигают самого человека как существо биологическое со своими внутренними проблемами и противоречиями. С тех пор что бы ни рассматривалось в качестве причин преступности – социально-политические неурядицы или “пятна на солнце”, не прекращается вечный спор: чего более в человеке-правонарушителе – биологического или социального?

На основе проведённого исследования авторами статьи сделаны выводы об отсутствии возможности доминирования в условиях современного общества какого-либо одного магистрального направления в изучении причин правонарушений и по необходимости рассмотрения самой криминологии в качестве исключительно комплексной науки, занимающейся всесторонним изучением природы преступности и преступления, а также всех

иных явлений и процессов, которые могут содействовать или препятствовать их совершению. Сама же криминология в силу своей универсальности как целостного комплекса научно-обоснованных и практически ориентированных идей является относительно самостоятельной подсистемой уголовной политики государства.

Ключевые слова: социальные и биологические первопричины правонарушений, историческая ретроспектива, поиск причин преступности в различные исторические эпохи, классическое направление криминологической науки, социологическая школа криминологии, антропологическое учение, криминологическая политика.

THE CENTRAL QUESTION OF CRIMINOLOGY THROUGH THE PRISM OF HISTORY

A. Ivanov¹, R. Shagiev²

*¹Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot
49, Leningradsky Prospect, Moscow, 125993, Russian Federatio*

²Russian Academy of Advocacy and Notaries

3/5, Malyi Poluyaroslavsky lane, Moscow, 105120, Russian Federation

Abstract. Considering criminology as an important component of crime fighting, the state has always faced the problem of criminology self-identification either as a science, or as a kind of human activity, or as a direction of state policy. This is evidenced by a historical analysis of the main stages in the development of criminological views carried out by the authors. The article traces the features of the genesis and evolution of the most significant directions in criminology: from moral and religious, social and biological views to political ones. Thus, the views of the well-known thinkers of antiquity, medieval scholasticism, the Renaissance and the New Age, the forerunners of modern law schools, as well as the peculiarities and tendencies of the latter's development were studied.

It is stated that the problem of preventing violations was known at the dawn of social development and was considered both from religious and moral-legal positions. During the Middle Ages, in conditions of militant theology, the development of the problems of crime prevention by the Scholastics went along with the formulation of the concept of "sin". And although this direction of research could hardly correspond to rational principles, nevertheless, it undoubtedly made its contribution to the doctrine of criminological science. This especially refers to the representatives of the late Middle Ages, who managed to overcome the dogmatism of seemingly unshakable theological criminology. In the Early modern period the development of social sciences receives a different impetus and the vector of criminological research radically changes, as a result of which the internal problems and contradictions of society occupy the central position. Later (by the middle of the nineteenth century), the humans themselves were brought to the forefront as biological beings, with their own internal problems and contradictions. Since then whatever is considered the cause of crime – socio-political turmoil or "sunspots" – the eternal question has remained: "What prevails in the offender: biological or social factors?"

On the basis of the study conducted by the authors of the article it was concluded that there is no possibility of dominance in a modern society of any single direction in the investigation of the causes of offenses and it is necessary to consider criminology itself as an exceptionally complex science engaged in a comprehensive study of the nature of criminality and crime and

all other phenomena and processes that can facilitate or hinder them. Criminology itself, due to its universal nature and being a complex of scientifically grounded and practically oriented ideas, is a relatively independent subsystem of the state criminal policy.

Key words: social and biological causes of crime; historical retrospective; search for the causes of crime in various historical periods; classical direction of criminological science; sociological school of criminology; anthropological doctrine; criminological policy.

Уже с древних времён лучшие умы вели поиск ответов на вопросы: в чём первопричина правовых отклонений и что можно предпринять, чтобы их не допускать? Представления о непосредственных причинах правонарушений варьируются в широком диапазоне – от внутренних до внешних закономерностей, определяющих поведение конкретного человека, включая «пятна на солнце» (влияние электромагнитных колебаний на самочувствие и поведение человека) и генетические отклонения. Но эти взгляды сложились в науке не сразу. И это далеко не случайно, т. к. в научной мысли только на определённом этапе её развития сформировалась идея, что основное в деле борьбы с правонарушениями – это профилактика и предупреждение. Знаменитые всем советским юристам слова: «Мудрый законодатель сделает всё, чтобы предупредить преступление, чем быть вынужденным наказывать за него» [25, с. 131] – появились как итог длительного интеллектуально-мыслительного процесса, начавшегося в глубокой древности и имеющего своё продолжение в современной криминологии. Можно указать на основные исторические вехи продвижения по пути формирования социально-профилактического подхода к избранной проблеме.

В Древней Индии считалось, что главным средством предупреждения должен выступать страх перед наказа-

нием. Так утверждалось в знаменитых дхармашастрах – Законах Ману. Именно из страха перед наказанием все живые существа служат пользе и не уклоняются от исполнения долга: «Наказанием весь мир держится в порядке, ибо трудно найти человека безупречного; из страха наказания весь мир предаётся предписанным ему занятиям» [38, с. 31]. Этому служила двоичная система обеспечения соблюдения долга: во-первых, это этическая норма, обеспечиваемая высшими божественными силами – Карма, во-вторых, политические средства – данда.

В отличие от Древней Индии, где единственным средством борьбы с правонарушениями рассматривалось наказание, в Древнем Китае важное значение придавали воспитанию. Конечно, школа легистов делала основной упор в борьбе с преступлениями на применении мер наказания, для них основанные на законе методы сохраняют ещё значительную роль. Однако остальные древнекитайские мыслители признавали приоритет за воспитательными мерами. Например, Конфуций не допускал насилия как средства управления нижестоящими. По его мнению, управляемость государства должна обеспечиваться следованием как *цзюнь-цзы*, так и *сяо-жень* – пути добродетели, но никак не страхом наказания.

Насилие и наказание, по мнению мыслителя, приведут только к стрем-

лению народа уклониться от выполнения письменных законов (*фа*), к разрушению добродетели, т. е. самой основы государства и обществ. В правовой модели Конфуция, опирающейся на принцип: «если воля добрая, человек не нарушает закон» – этикет (*ли*) однозначно доминировал над наказанием (*син*) [4, с. 40]. Таким образом, регулирование политических отношений посредством норм добродетели в учении Конфуция резко противопоставляется управлению на основе закона: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться (от наказаний) и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и он исправится» [18, с. 28, 29]. Сюнь-Цзы, последователь Конфуция, был уверен, что если не воспитывать людей, а наказывать, то наказаний будет много, а порок не будет искоренён; если только воспитывать, но не наказывать, порочные останутся безнаказанными [17, с. 195].

Естественно, что в античном мире, основанном на господстве идей законопослушания, более глубоко затрагивались проблемы предупреждения правонарушений. В обосновании данного тезиса достаточно привести афоризм, принадлежащий древнегреческому мыслителю Периандру (конец VII – начало VI вв. до н. э.): «Не довольствуйся наказанием преступника, а предупреждай преступления» [17, с. 215]. Но древние греки и древние римляне не противопоставляли методов принуждения и убеждения, упор делался на их органическую взаимо-

связь. Софисту Протагору принадлежат важные идеи, что преступающего законы государство наказывает, а название этому наказанию – исправление, потому что возмездие исправляет [17, с. 229]. Известен и призыв римского учёного-юриста Ульпиана о том, что нужно, чтобы добрые совершенствовались не только путём страха наказания, но и путём поощрения наградами [38, с. 131].

Античные учёные продвинулись и в постижении социальных причин, приводящих к совершению правонарушений. В числе распространённых причин неправомерных действий древние мыслители указывали на такую, как пьянство. В соответствии с этим Питтак считал правильным, чтобы двойная пеня взималась за проступок с пьяного [10, с. 86]. А отвечая на вопрос, как не стать пьяницей, Анахарсис утверждал: «Иметь перед глазами пьяницу во всем безобразии» [10, с. 96].

Можно констатировать, что в Древнем мире проблема предупреждения правонарушений была поставлена и разрешалась не только с религиозных позиций. Большое значение придавалось нравственно-правовому аспекту.

Естественно, что господство средневековой схоластики способствовало продолжению теологического направления в исследовании данной проблемы. Будучи завуалированной религиозно, профилактическая тематика не могла развиваться на рационалистической основе, всё объяснялось греховой природой человека и происками сатаны, что вряд ли можно признать вкладом в криминологическую науку. Так, государство как система господства одних людей над другими рас-

сма­три­ва­лось Ав­гу­сти­ном Бла­жен­ным и как на­ка­за­ние за пер­во­род­ный грех Ада­ма, и как сред­ство пре­дуп­ре­жде­ния со­вер­ше­ния людь­ми но­вых грехов [19, с. 72, 73].

Толь­ко с на­ча­лом эпо­хи Воз­ро­жде­ния ста­ло воз­мож­ным про­дол­жить раз­ви­тие под­лин­но на­уч­ных взгля­дов на во­про­сы про­фи­лак­ти­ки пра­во­на­ру­ше­ний. В ря­ду блестя­щих умов это­го вре­ме­ни гу­ма­нист, по­ли­ти­че­ский де­я­тель и пи­са­тель То­мас Мор (1478–1535) за­ни­ма­ет не по­след­нее ме­сто. Оце­ни­вая со­вре­мен­ную ему си­ту­а­цию, свя­зан­ную с про­цес­сом ста­нов­ле­ния ка­пи­та­ли­зма и за­ме­ны хле­бо­па­ше­ства ов­це­вод­ством, Мор свя­зал «о­го­ра­жи­ва­ние зем­ель» в Ан­глии и мас­со­вое бродяж­ни­че­ство, при­во­дя­щее к росту пре­ступ­но­сти. Глав­ным ито­гом его раз­ду­мий явил­ся тезис о со­ци­аль­ной обу­слов­лен­но­сти пре­ступ­но­сти, со­глас­но ко­то­ро­му со­вер­ше­ние не­ко­то­рых пре­ступ­ле­ний может быть пре­оп­ре­де­ле­но не столь­ко ин­ди­ви­ду­аль­ны­ми осо­бен­но­стя­ми лич­но­сти, сколь­ко не­справед­ли­вым ус­трой­ством об­ще­ства. Утвер­жда­я, что ни одно на­ка­за­ние не яв­ля­ет­ся «столь силь­ным, чтобы удерж­ать от раз­боев тех, у ко­го нет ни­ка­ко­го ино­го спо­со­ба, чтобы сыс­кать се­бе про­пи­та­ние», он по­ла­гал, что снаб­же­ние всех гра­ждан эле­мен­тар­ны­ми сред­ства­ми су­ще­ства­ния из­ба­ви­ло бы го­су­дар­ство от иму­ще­ствен­ных пре­ступ­ле­ний. Ха­рак­те­ри­зуя со­ци­аль­ные при­чи­ны пре­ступ­ле­ний, пьян­ства, ни­щеты, он пи­сал: «Обуз­дай­те ... скуп­ки бо­га­чей и их про­из­вол, по­доб­ный мо­но­по­лии. Мень­ше кор­мите без­дель­ни­ков! <...> Спра­ши­ваю я, де­ла­ете ли вы что-ни­будь ино­е, кроме то­го, что са­ми соз­да­ёте воров и ка­ра­ете их?» [27, с. 136]. Пло­ды на­уч­ных раз­ду­

мий ав­то­ра все­мир­но из­вест­ной кни­ги под на­зва­ни­ем «Уто­пия» звучат ак­ту­аль­но и в на­сто­я­щее вре­мя: «ка­рать смер­тью за про­стую кра­жу – чрез­мер­ное на­ка­за­ние»; «нис­коль­ко не спра­вед­ли­во за от­ня­тые де­нь­ги от­ни­мать у че­ло­ве­ка жизнь. Ибо нич­то из то­го, что есть в ми­ре, не может срав­нить­ся с че­ло­ве­че­ской жизнь­ю» [19, с. 97–99].

Та­ким об­ра­зом, счи­тая част­ную соб­ствен­ность глав­ной пер­во­при­чи­ной со­ци­аль­ной не­справед­ли­во­сти и пре­ступ­но­сти, мыс­ли­тель на­чи­на­ет пре­одо­ле­ние сред­не­ве­ко­вой те­о­ло­гиче­ской кри­ми­но­ло­гии, в рам­ках ко­то­рой пре­ступ­но­сть рас­сма­три­ва­лась как про­яв­ле­ние грехов­но­го или дья­воль­ско­го на­ча­ла в че­ло­ве­ке. Он со­вер­шил пе­ре­ход к ра­ци­о­наль­ной кри­ми­но­ло­гии, ви­дя ос­но­ву пре­ступ­но­сти в со­ци­аль­но-эко­но­ми­че­ских ус­ло­ви­ях жиз­ни пре­ступ­ни­ка. Не­до­статок у низов сред­ств су­ще­ства­ния вы­нуж­да­ет их и­дти на пре­ступ­ле­ния, чтобы спа­сти­ся от го­лод­ной смер­ти. В со­от­вет­ствии с этим Мор по­ла­гал, что леч­ить на­до не след­ствие, а при­чи­ну, т. е. за­ме­нить част­ную соб­ствен­ность как ос­но­ву со­ци­аль­но­го не­равен­ства об­ще­ствен­ной соб­ствен­но­стью, обе­спечить всех лю­дей ра­ботой, даю­щей не­об­хо­ди­мые сред­ства су­ще­ства­ния. В та­ком об­ще­стве це­лью на­ка­за­ния бу­дет не уни­что­же­ние, а ис­прав­ле­ние пре­ступ­ни­ка [4, с. 90].

В пе­ри­од Прос­ве­ще­ния раз­ра­бот­ка со­ци­аль­но-про­фи­лак­ти­че­ских воз­зри­ний бы­ла про­дол­же­на в тру­дах Ш.Л. Мон­те­с­кье (1689–1755), ко­то­рый в сво­ём со­чи­не­нии «О ду­хе за­ко­нов» утвер­ждал, что си­сте­ма на­ка­за­ний, ос­но­ван­ная на бес­смыс­лен­ной же­сто­ко­сти, вы­зы­ва­ет не страх, а оди­ча­ние об­ще­ства. В со­от­вет­ствии с этим он

взывал к соразмерности преступления и наказания, к приоритету разнообразных воспитательных мер для предупреждения преступлений, а не просто к использованию одного приращения [19].

Но только выход в свет книги «О преступлениях и наказаниях» (1764) способствовал зарождению современной юридической науки – криминологии, т. к. её автор Ч. Беккариа (1738–1794) сумел обозначить основное направление криминологических изысканий – исследование причин преступности. Итальянский мыслитель талантливо выразил гуманистические взгляды эпохи Просвещения на современную систему уголовного правосудия, подвергнув резкой критике феодальный инквизиционный процесс и особенно пытки как неотъемлемую часть последнего. Одним из первых в Европе выступая за отмену смертной казни и других наиболее жестоких наказаний, Беккариа также сформулировал то важное требование, чтобы законы были понятны для всех и служили предостережением для потенциальных преступников [3].

Произведение «О преступлениях и наказаниях» существенно повлияло на общественность и государственных деятелей того времени, реально привело к первым либеральным реформам правосудия и уголовного права в просвещённых монархиях Австрии, Пруссии, Швеции, Тосканы (отмена пыток, сокращение применения смертной казни, утверждение принципа законности). Достаточно указать на то, что в 1786 г. в Тоскане великий герцог Леопольдо издал первый современный уголовный кодекс, где впервые в Европе была полностью упразднена смертная казнь [19].

Екатерина II не избежала влияния прогрессивных идей Ч. Беккариа, пригласив их автора приехать в Россию для участия в составлении нового Уложения законов. Впрочем, поездка так и не состоялась, хотя сам по себе этот факт знаменателен.

В целом можно констатировать, что за более чем 200 лет этот классический трактат не устарел, продолжает побуждать читателя к размышлениям о преступлениях и наказаниях, о чём свидетельствует факт его переиздания в нашей стране и за рубежом. Являясь ценным изданием по истории общественно-политической и юридической мысли, он остаётся живым призывом к осуществлению гуманной и справедливой уголовной политики. Например, Мишель Фуко обращался в своей книге «Надзор и наказание» (1975) к гуманистическим идеалам Ч. Беккариа. Отдельные авторы и в современных условиях находят в фундаментальных правовых идеях ответы на вызовы сегодняшнего дня.

Возвращаясь к XVIII в., нельзя не указать, что именно тогда окончательно сформировалась позиция, согласно которой посягательства на собственность вызваны к жизни нищетой, неграмотностью среди беднейших слоёв населения, а также являются итогом тиранического правления. Достаточно внимательно изучить труды Бентама, Годвина, Вольтера, Мабли, Морели. В частности, рассуждения Вольтера, как и его современника Ч. Беккариа, оказали воздействие на общественное мнение и способствовали модернизации системы европейского уголовного правосудия. Тиранизм для Вольтера – это «правитель, не признающий иных законов, кроме своих прихотей, присваи-

вающий имущество своих подданных, а затем вербующий их в войско, чтобы отнимать собственность у соседей» [19, с. 194]. Созвучны этим идеям слова первого теоретика коммунизма (по Ф. Энгельсу) Э.-Г. Морелли: «Устраните собственность, не перестаю я повторять, и вы уничтожите навсегда тысячу случайностей, доводящих человека до отчаянных крайностей. Абсолютно невозможно допустить ... чтобы, освободившись от этого тирана, человек прибегал к преступлениям, чтобы он был вором, убийцею, завоевателем» [19, с. 213].

Не остались в стороне от развития социально-профилактического подхода русские революционные демократы, которые поддерживали европейские гуманистические идеи в отношении понимания причин преступлений и путей борьбы с ними. Например, А.Н. Радищев писал, что не следует «держат всегда поднятый меч для казни преступных деяний, нужно самые деяния преобразовать зиждательным образом, сделать их невинными и не давая им возродиться» [33, с. 461].

На основании изучения приведённых идей передовых мыслителей, высказанных до XIX в., следует констатировать, что все эти и некоторые иные весьма интересные предположения относительно причин преступлений и борьбы с ними вряд ли могли полноценно реализоваться в существовавших социально-экономических и политических условиях того времени. Вместе с тем, будучи творчески развиты Дж. Говардом, Дж. Бентамом, Дж. Локком, С. Ромилли, А. Фейербахом, И. Кантом, Г. Гегелем, а в России представителями догматической школы С. Баршевым, А.Ф. Кистяков-

ским, Н.С. Таганцевым, М.М. Сперанским, Н. Мордвиновым, Н. Сергиевским, Г. Горденковым, С.Е. Десницким, Г. Солнцевым¹ и многими другими мыслителями, эти положения стали основой классического направления криминологической науки, центром тяжести уголовной репрессии, ставящей в зависимость от общественной опасности деяния, но при неперменном следовании в процессе определения её оснований и пределов комплексу фундаментальных принципов: нет преступления и наказания без указания о том в законе, субъективности вменения, соразмерности наказания тяжести преступления, равенства суда и наказаний для всех, презумпции невиновности и др.

Неслучайно один из авторов ранее писал, что классическая школа уголовного права, выйдя из недр феодализма и испытав на себе воздействие принципов буржуазного права, разработала идею о необходимости соответствия наказания тяжести совершенного преступления, обосновала вопросы виновности и соучастия, обстоятельства, «усиливающие или уменьшающие виновность деятеля», и многое другое [14]. Как отмечал Л.Е. Владимиров, классическая школа в целом выполнила поставленные перед ней задачи «установления составов отдельных преступлений, с точностью провела границу дозволенного и запрещённого; дала твёрдую почву для

¹ С.А. Маркунцов весьма верно отмечает, что в отличие от Запада у истоков уголовно-правовых (криминологических) воззрений в России стояли не философы, а учёные, юристы, причём активно участвующие в законотворческой деятельности в процессе систематизационных работ первой половины XIX в. [26, с. 260].

применения закона в суде, для назначения наказания человеку, сообразно его виновности, выразившейся в совершенном деянии, имеющего изложенные в законе признаки» [5, с. 176].

К числу самых главных её идей относились: человек является носителем свободной воли, и преступление есть результат его произвольного выбора, поэтому, если человек, обладая нравственной свободой, избирает зло, он должен нести наказание за свой выбор; процесс принятия решения о совершении преступления носит исключительно рациональный характер; усиливая наказание, общество делает преступления менее привлекательными, что позволяет удерживать людей от их совершения; искусство законодателя и его гуманизм заключаются в том, чтобы ужесточение наказания проводилось не по принципу «чем больше, тем лучше», а по принципу «ужесточать лишь настолько, чтобы сделать преступление непривлекательным» и т. д. [16, с. 33].

Отмечая вклад представителей классической школы уголовного права в разработку конкретных составов преступлений, наряду с общими вопросами наказания нельзя не заметить оторванности их исследований от практических проблем борьбы с преступностью [9; 20]. Это позволило представителям нового социологического направления в середине XIX в. приступить к активной критике устаревших классических криминологических догм¹: «Для криминалистов,

¹ Хотя попытки исследования отдельных, разрозненных элементов социологического подхода к преступности были известны ещё со времен Говарда, Бенгтама или А.Ж. Кетле, в 1813 г. заявлявших: «Общество заключает в себе зародыш всех имеющих совершиться преступлений потому, что в нём заключаются условия, способ-

судей и законодателей область правосудия содержит в себе три момента: преступление, суд и наказание. Классическая школа не знает преступника, который между тем является началом и вместе с тем конечной целью деятельности общественной обороны от преступности» [36, с. 464]. Голландский криминолог Ван Гамель сформулировал предельно концентрированно задачи социологического направления: «Вместо теоретического уголовного права мы должны создать уголовное право практическое. Три понятия страшно мешают нам в этом. А именно: «вменяемость», «наказание» и «преступление» [34, с. 89].

ствующие их развитию; оно, так сказать, подготавливает преступление, а преступник есть только орудие», – систематизированный вид они начали получать с появлением полицейской статистики к середине XIX в. [7, с. 16].

Между тем М.Н. Гернет в другом своём труде сетует на то, что с запретом опубликования доклада члена Российской академии наук Германа (вероятно, К.Ф. Германа (1767–1838)) на тему «Изыскания о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 годы» (1823), в котором учёный исследовал проблему с точки зрения критериев территориальности, степени урбанизации и др., «прервалось на много лет в нашей стране начавшееся изучение преступности» [6, с. 595].

Из числа первых крупных публикаций российских сторонников социологического направления можно назвать: *Неклюдов Н.А.* Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению. СПб., 1865; *Духовский Н.В.* Задача науки уголовного права. Ярославль, 1872; *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889; его же: Уголовное право. Его предмет, его задачи // На досуге. СПб., 1898. С. 398–413 и др. Их позиции в рассматриваемый период в значительной мере разделяли А.Н. Трайнин, М.Н. Гернет, Н.Н. Полянский, А.А. Пионтковский, С.К. Гогель, М.М. Исаев и др.

Руководствуясь этими задачами, новаторы в области криминологических исследований осуждали абстрактность принципов классической школы, указывали на забвение в ней изучения целей наказания, отмечали и то, что цели ответственности она определяла наказанием, а не наказание целью [31, с. 262, 263]. Не осталось без критического взора и то, что за «объективной тяжестью» преступления она не замечала личности преступника и рассматривала само преступление как результат исключительно свободной воли человека [35; 40]. Отсюда, резюмировали «социологи», вера в спасительное воздействие наказания, «полная его безличность» и в большинстве случаев не борьба с преступностью, а «истребление виновных» [34, с. 81–88].

Обоснованность и справедливость всех критических замечаний были предопределены условиями постреформенной России, когда огромное количество бывших крепостных крестьян заполнили города, а затем, к сожалению, и тюрьмы, что делало в целом эту критику крайне злободневной, т. к. догматическая школа была крайне консервативна, и, какие бы прогрессивные новации ею ни вносились, они имели, скорее всего, поверхностный характер – слишком сильны были вековые традиции. «Но, – указывали сторонники социологического направления, – современная преступность в отличие от преступности старых веков характеризуется не столько как антигосударственное, сколько как антисоциальное явление» [24, с. 10]. Отталкиваясь от данного постулата, сторонники социологического направления считали естественным обнаружение социальных корней преступности. В этом случае

становится возможным определение цели, на достижение которой и следует мобилизовать как юридические, так и социальные институты. Это – не «наказание», а «приискание мер, способных исправить». Только тогда представляется реальным создание системы приспособления к нормальной и честной жизни преступника при существующих социальных условиях [34, с. 89, 90].

Конечно, правоприменитель должен руководствоваться «объективными свойствами и тяжестью учинённого деяния», т. к. связан формальными условиями. Но при этом он призван изучить личность преступника, учесть все обстоятельства его жизни, черты и обнаружить те обстоятельства, которые натолкнули его на совершение преступления. Лишь после этого судья должен определить наиболее целесообразные для данного случая меры из соответствующей системы, установленной законодателем [34, с. 89–104]. Именно в таком направлении рассуждал И.Я. Фойницкий, один из самых первых сторонников социологического направления в России: «Всякое наказание должно быть справедливо, применяясь только к виновному и соответствуя как объективной тяжести посягательства, так и субъективной виновности» [37, с. 68].

Соответственно, сторонники социологического направления не мыслили иной системы отправления правосудия, кроме как основанной на идее sobорности назначаемых мер личности преступника. Характерно, что данные научные взгляды были восприняты законодателем, т. к. были закреплены в действующих законодательных актах дореволюционной России. В них была прямо закреплена необходимость при

назначении наказания в пределах тяжести возлагаемых на виновных мер принуждения учитывать характер и степень опасности совершённых деяний, особенности личностей правонарушителей и обстоятельства, хоть и выходящие за рамки состава правонарушения, но влияющие на смягчение либо на усиление ответственности [13, с. 61–67].

В итоге можно констатировать, что в дооктябрьский период и в России сформировался и укрепился законодательно социально-профилактический подход, базирующийся на идеях о наличии объективных причин правонарушений. Однако он дополнялся положениями о необходимости учёта особенности личности преступника. Согласно этому подходу профилактическая деятельность должна складываться из двух этапов:

1) выявления и изучения причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также личности правонарушителя;

2) разработки и реализации соответствующих профилактических мер [32].

Во второй половине XIX в. в борьбе классического и социологического направлений буквально ворвалось антропологическое учение Чезаре Ломброзо («Преступный человек, изученный на основе антропологии, судебной медицины и тюрьмоведения», 1876)¹.

¹ Предшественник всех современных криминологических направлений Б. Морель ещё в 1857 г. в своём «Трактате о вырождении» попытался создать комплексную концепцию причин преступности. При этом в числе антропологических факторов он выделял наследственность, алкогольную, наркологическую, пищевую и почвенную интоксикацию, а в числе социальных причин – непосильный труд, вредные профессии, материальную нужду. Существовали

Этот итальянский исследователь настолько увлекся разработкой своей теории «врожденного преступника», что в результате превратил биологические причины преступности в самодовлеющую ценность и одно время в поиске объяснений «врожденных убийц» даже пытался создать основы изучения преступности насекомых, животных и растений [43]. Учение Ломброзо хотя и в своих наиболее одиозных аспектах криминологами довольно скоро было беспощадно раскритиковано [12; 39], не кануло в Лету, а поставило перед наукой новый острый вопрос: социальное или биологическое явление правонарушение? После разгрома теории Ломброзо в чистом виде, наука переключилась на исследование связей антропологических и социальных корней преступности. На этой почве стремительно стали возникать различные биосоциальные теории причин преступности [15].

И этот спор продолжается уже более столетия, в том числе и в рамках набирающей популярность в англосаксонской юриспруденции так называемой критической криминологии [8; 29, с. 73].

Как биологическое явление, подчиняющееся только психологическим и физиологическим законам, рассматривают преступность в рамках антропологической школы в уголовном праве и криминологии. Учение о социальной

собственно психиатрические теории причинности преступности, например, учение Томпсона («Наследственная природа преступления и психология преступника», 1871 г.) было построено на основе доминирования наследственных корней преступности при полном игнорировании социальных условий [28, с. 23, 24]. Это во многом предопределило выводы, сделанные Ч. Ломброзо [44].

природе преступности выступает как альтернатива антропологической школе. Как считают представители этого учения, корни преступности как сугубо социального явления надо искать не в природе человека, а в экономических, политических и иных социальных условиях жизнедеятельности личности.

Академик В.Н. Кудрявцев утверждал, что преступность – явление социальное, причём, по крайней мере, в трёх отношениях: по юридическому определению, историческому происхождению и своим результатам. Во-первых, именно общество в лице законодателей отделяет преступное от непроступного. Во-вторых, историческое происхождение преступления и преступности подтверждает их социальный характер. Известно, что действия, опасные для устоев любого общества, имели место уже в глубокой древности. Но правовая характеристика этих действий, означающая официальное признание их преступными, не могла появиться раньше, чем возникли государства, и такого рода действия всегда будут совершаться, пока существует человеческое общество. В-третьих, социальная природа преступности наглядно проявляется и в тех последствиях, которые наступают в результате совершения преступлений в любом обществе [22; 23].

Рассматривая социальную природу преступления и преступности, следует отметить, что на неё влияют естественные, а также технические факторы: географической среды, биологических компонентов человеческого поведения, техногенных и природных катаклизмов и т. п. Например, ещё в XIX в. бельгийский исследователь А.Ж. Кетле выявил закономерности рождаемости, смерт-

ности и преступности [46]. Однако коль скоро речь идёт о сущности того или иного явления или процесса, имеется в виду установление главного, основного, определяющего. А для преступности – это её социальная природа¹.

Таким образом, исходным в отечественной криминологии служило положение, что преступность всё-таки – это одно из социальных отклонений в обществе. Она – не норма, но в то же время закономерное явление в определённых общественных условиях. А потому необходима борьба с преступностью, связанная с изменением этих условий и ни в коем случае не ограниченная только применением уголовных наказаний к конкретным преступникам [21, с. 20, 21].

Вот поэтому вопрос о природе правонарушений и их причине имеет, помимо теоретического, и исключительно большое практическое значение, ибо определяет пути и средства борьбы с противоправным поведе-

¹ [22, с. 8]. Между тем В.Н. Кудрявцев же ранее предостерегал от переоценки «веса» некоторых причин конкретных преступлений. «В криминологических исследованиях практически нередко прибегают к очень простому, но вряд ли достаточному решению: признают причинами те социальные явления, которые заведомо носят отрицательный характер ... При этом само признание данного явления отрицательным является обычно итогом ретроспективных оценок, в результате которых создается “порочный круг” в аргументации: например, установлена корреляция между недостаточно высоким уровнем образования и преступностью подростков, “следовательно”, отсутствие высшего или среднего образования есть отрицательное (в криминологическом плане) явление, есть недостаток. Следовательно, это и есть причина преступности. Но последующие исследования большей частью разрушают такие упрощённые конструкции. Очевидно, действительное соотношение причин и условий сложнее» [23].

нием. «Если решающую роль играют социальные факторы, то, очевидно, и борьба эта должна иметь прежде всего социальную направленность. Если же все дело в биологии человека, придётся изобретать методы медицинского воздействия на преступников, генетического контроля» [11, с. 22].

С позиций современных подходов, преобладающих среди представителей юридической науки, исходным положением является рассмотрение правонарушения как социально-биологического явления [30, с. 449]. Это означает, что правонарушающее поведение обусловлено факторами как биологического, так и социального свойства. Ведущее значение при этом имеет социальное окружение, т. к. личность формируется в обществе и именно благодаря этому приобретает большинство своих социально-психологических установок, побуждающих её к активному действию в общественной жизни. Однако вряд ли оправданно игнорировать биологическую природу человека, т. к. в этом случае происходит отрыв правонарушителя от его противоправного поведения, не происходит исследования социально-психологических особенностей его личности, и главное – научные разработки относительно причин правонарушений превращаются в формализованные схемы, что напоминает средневековую схоластику. В таких условиях взгляд сквозь призму истории способен подсказать вариант выхода из сложившегося методологического

тупика. Октавио Пасу принадлежат известные слова: «Каждый раз, когда общество оказывается в кризисе, оно инстинктивно обращает свои взоры к истокам и ищет там знамение» [45].

В исторической ретроспективе нетрудно заметить, что элементы затронутых в статье концепций так или иначе встречались и в прежние времена. Однако развитие технического прогресса и усложнение общественного бытия, связанного с социально-политическими трансформациями, дальнейшей стратификацией общества объективно требуют переосмысления и переоценки уже, казалось бы, давно известных истин. Например, до сих пор идёт спор о том, социальная или юридическая наука криминология [41]. Следует согласиться с Ю.М. Антоняном, который считает, что криминология является комплексной наукой, «которая, в полной мере используя свои собственные возможности и ресурсы, наряду с этим пользуется достижениями социологии, психологии, экономики и т. д.», «предмет которой составляет преступность и преступления, а сферу криминологических интересов – все явления, которые могут содействовать или препятствовать их совершению» [1, с. 33, 34, 37]. Сама же криминология в силу своей всесторонности, как целостный комплекс научно-обоснованных и практико-ориентированных идей, превратилась в относительно самостоятельную подсистему уголовной политики государства [2, с. 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М. Что такое криминология // Научный портал МВД России. 2015. № 2. С. 33–38.

2. Бабаев М.М. О криминологической составляющей уголовной политики // Криминологический журнал. 2008. № 2 (14). С. 5–10.
3. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях / сост., предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. 184 с.
4. Богомолов С.А. История политических и правовых учений: учеб. пособие. М.: Дашков и Ко, 2004. 248 с.
5. Владимиров Л.Е. Курс уголовного права. Ч. 1. М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1908. 400 с.
6. Гернет М.Н. Изучение преступности в СССР: Исторический очерк, 1945 // Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974. С. 595–613.
7. Гернет М.Н. Моральная статистика. М.: Издание центрального статистического управления, 1922. 269 с.
8. Гилинский Я.И. Некоторые тенденции мировой криминологии // Российский ежегодник уголовного права. 2012. № 6. С. 8–31.
9. Гурина А.Л. Позитивистская традиция и критическое направление в криминологической мысли США и Великобритании: сравнение теоретических подходов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 134. С. 101–114.
10. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с лат., прим. М.Л. Гаспарова; общ. ред., вступ. ст. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. 624 с.
11. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика. Поведение. Ответственность. М.: Политиздат, 1982. 304 с.
12. Зернов Д. Критический очерк анатомических оснований криминальной теории Ломброзо: речь, произнес. в торжеств. собр. Имп. Моск. ун-та 12 янв. 1896 г. заслуж. орд. проф. мед. фак. Д. Зерновым. М.: Университетская типография, 1896. 55 с.
13. Иванов А.А. От талиона к индивидуализации юридической ответственности. Исторический очерк становления правового принципа: монография / гл. ред. Н.Д. Эриашвили. М.: Закон и право: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 223 с.
14. Иванов А.А. Российская правовая наука рубежа XIX–XX веков и формирование личностного подхода в наказании // Сейчас.ру. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/1043> (дата обращения: 29.11.2017).
15. Иванов А.А., Иванов В.П. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: учеб. пособие для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля: для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М.: Закон и право: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 159 с.
16. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: ИНФРА-М: НОРМА, 1997. 374 с.
17. История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Наука, 1985. 349 с.
18. История политических и правовых учений: учебник под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 2-е изд. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2000. 736 с.
19. История политических и правовых учений: хрестоматия / Воротилин Е.А., Лейст О.Э., Мачин И.Ф., Фролова Е.А.; отв. ред. О.Э. Лейст. М.: Городец, 2000. 512 с.
20. Клейменов И.М. Криминология в Великобритании и США // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 4. С. 147–152.
21. Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Юрист, 1997. 512 с.
22. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учеб. пособие. М.: Инфра-М: Форум, 1998. 216 с.

23. Кудрявцев В.Н. Проблемы причинности в криминологии // Вопросы философии. 1971. № 10. С. 79–80.
24. Люблинский П.И. О действии наказания // Новые идеи в правоведении. Сб. 1. Цели наказания. СПб.: Образование, 1914. С. 1–27.
25. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: в 50 т. Т. 1. 2-е изд. . М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 119–160.
26. Маркунцов С.А. О понятии и предмете уголовно-правовой социологии // Вестник Бурятского госуниверситета. 2011. № 2. С. 259–262.
27. Мор Т. Утопия / пер. с лат. Ю.М. Каган. М.: Наука, 1978. 415 с.
28. Назаренко Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния: монография. М.: Ось-89, 2001. 240 с.
29. Обзор зарубежных тематических изданий // Виктимология. 2015. № 2 (4). С. 72–76.
30. Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. 544 с.
31. Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании. М.: Университетская типография, 1904. 447 с.
32. Шагиева Р.В., Сундуров Ф.Р., Мишин А.В. Профилактика правонарушений: учеб.-метод. пособие / . Казань: Издательство Казанского университета, 1989. 125 с.
33. Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения / общ. ред., вступ. ст. И.Я. Щипанова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 672 с.
34. Станкевич В.Б. Борьба с опасным состоянием как основная задача нового уголовного права // Новые идеи в правоведении. Сб. 1. Цели наказания. СПб.: Образование, 1914. С. 78–135.
35. Тард Г. Преступник и преступление / под ред. М.Н. Гернета; пер. с фр. Е.В. Выставкиной; предисл. Н.Н. Полянского. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1906. 346 с.
36. Ферри Э. Уголовная социология / пер. с фр., предисл., ред. С.В. Познышева. М.: В.М. Саблин, 1908. 624 с.
37. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М.: Городец: Добросвет-2000, 2000. 464 с.
38. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: в 2 т. Т. 1. / под ред. К.И. Батыра, Е.В. Поликарповой. М.: Юристъ, 1996. 391 с.
39. Эминов В.И. История науки криминологии // LEX RUSSICA. 2009. № 1. С. 72–82.
40. Critical Criminology: Issues, debates, challenges / ed. K. Carrington, R. Hogg, Cullompton, UK, Portland, Or.: Willan Pub., 2002. 304 p.
41. Delay J., Deniker P. Méthodes chimiothérapiques en psychiatrie. Paris, 1961.
42. Gresham M.S. The Rise of Critical Criminology // Journal of Criminal Law and Criminology. 1974. Vol. 65. Iss. 2. P. 205–213.
43. Lombroso C. L'uomo delinquente in rapporto all' antropologia, alla giurisprudenza ed alle discipline carcerarie: aggiuntavi La teoria della tutela penale del Prof. Avv. F. Poletti / 2nd ed. Torino: Bocca, 1878. 746 p.
44. Lombroso C. Le piu recenti scoperte ed applicazioni della psichiatria ed antropologia criminale / Torino, Firenze, Palermo, Messina, Catania, Roma: Fratelli Bocca, 1893. 431 p.
45. Paz O., Phillips R. Reflections: Mexico and United States // The New Yorker, 17.09.1979.
46. Queteler A. Sur l'homme et development de ses facultes, ou Essai de physique sociale. Tome 1. Bachelier, Imprimeur-Libraire, 1835. 327 p.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M. [The Nature of Criminology]. In: *Nauchnyi portal MVD Rossii* [Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 2, pp. 33–38.
2. Babaev M.M. [On Criminological Component of Criminal Policy]. In: *Kriminologicheskii zhurnal* [Criminological Journal], 2008, no. 2 (14), pp. 5–10.
3. Bekkariya Ch. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Moscow, INFRA-M Publ., 2004. 184 p.
4. Bogomolov S.A. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [History of Political and Legal Doctrines]. Moscow, Dashkov and C° Publ., 2004. 248 p.
5. Vladimirov L.E. *Kurs ugolovnogo prava* Ch. 1 [A Course of Criminal Law. P.1.]. Moscow, I.D. Sytin's Partnership, 1908. 400 p.
6. Gernet M.N. [The Study of Crime in the USSR: a Historical Essay]. In: Gernet M.N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected wWorks]. Moscow, Law Literature Publ., 19746 pp. 595–613.
7. Gernet M.N. *Moral'naya statistika* [Moral Statistics]. Moscow, Edition of the Central Statistical Office Publ., 1922. 269 p.
8. Gilinskii Ya.I. [Some Trends in the World of Criminology]. In: *Rossiiskii ezhegodnik ugolovnogo prava* [Russian Yearbook of Criminal Law], 2012, no. 6, pp. 8–31.
9. Gurinskaya A.L. [Positivist Tradition and Critical Direction in the US and UK Criminology: A Comparison of Theoretical Approaches]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [the Bulletin of Herzen University. Humanities and Science], 2010, no. 134, pp. 101–114.
10. Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitnykh filosofov* [On Life, Teachings and Sayings of Famous Philosophers]. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 624 p.
11. Dubinin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. *Genetika. Povedenie. Otvetstvennost'* [Genetics. Behavior. Responsibility]. Moscow, Politizdat Publ., 1982. 304 p.
12. Zernov D. *Kriticheskii ocherk anatomicheskikh osnovanii kriminal'noi teorii Lombrozo* [A Critical Study of the Anatomical Bases of Lombroso's Theory of Crime]. Moscow, University typography Publ., 1896. 55 p.
13. Ivanov A.A. *Ot taliona k individualizatsii yuridicheskoi otvetstvennosti. Istoricheskii ocherk stanovleniya pravovogo printsipa* [From Talion to the Individualization of Legal Liability. A Historical Essay on the Formation of Legal Principle]. Moscow, Law and Right Publ., YUNITI-DANA Publ., 2009. 223 p.
14. Ivanov A.A. [Russian Legal Science of the Turn of the 19th–20th Centuries and the Formation of Personal Approach to Punishment]. In: *Seichas.ru* [Now.ru]. Available at: <http://www.lawmix.ru/comm/1043> (accessed: 29.11.2017).
15. Ivanov A.A., Ivanov V.P. *Pravonarushenie i yuridicheskaya otvetstvennost'. Teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Offense and Legal Responsibility. Theory and Legal Practice]. Moscow, Law and Right Publ., YUNITI-DANA Publ., 2006. 159 p.
16. Inshakov S.M. *Zarubezhnaya kriminologiya* [Foreign Criminology]. Moscow, INFRA M-NORMA Publ., 1997. 374 p.
17. Nersesyants V.S., ed. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii. Drevnii mir* [History of Political and Legal Doctrines. The Ancient World]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 349 p.
18. Nersesyants V.S. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [History of Political and Legal Doctrines]. Moscow, NORMA-INFRA-M Publ., 2000. 736 p.
19. Vorotilin E.A., Leist O.E., Machin I.F., Frolova E.A. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [History of Political and Legal Doctrines]. Moscow, Gorodets Publ., 2000. 512 p.
20. Kleimenov I.M. [Criminology in the UK and USA]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series: Law], 2011, no. 4, pp. 147–152.

21. Dolgova A.I. ed. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, *Yurist Publ.*, 1997. 512 p.
22. Kudryavtsev V.N. *Genezis prestupleniya. Opyt kriminologicheskogo modelirovaniya* [The Genesis of Crime. An Experience in Criminological Modeling]. Moscow, *Infra-M Publ., Forum Publ.*, 1998. 216 p.
23. Kudryavtsev V.N. [The Problem of Causality in Criminology]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1971, no. 10, pp. 79–80.
24. Lyublinskii P.I. [On the Effects of Punishment]. In: *Novye idei v pravovedenii. Sb. 1. Tseli nakazaniya* [New Ideas in Jurisprudence. Coll. 1. The Purposes of Punishment]. St. Petersburg, *Obrazovanie Publ.*, 1914, pp. 1–27.
25. Marx K. [The Debate on the Law on Forest Theft]. In: Marx K., Engels F. *Sobranie sochinenii. T. 1* [Collected Works. Vol. 1]. Moscow, State Publishing House of Political Literature Publ., 1955, pp. 119–160.
26. Markuntsov S.A. [On the Concept and Subject of Criminal Law Sociology]. In: *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2011, no. 2, pp. 259–262.
27. More T. *Utopiya* [Utopia]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1978. 415 p.
28. Nazarenko G.V. *Ugolovno-relevantnye psikhicheskie sostoyaniya lits, sovershivshikh prestupleniya i obshchestvenno opasnye deyaniya* [Criminal-Relevant Mental States of the Perpetrators of Crimes and Socially Dangerous Acts]. Moscow, *Os' Publ.*, 2001. 240 p.
29. [A Thematic Review of Foreign Publications]. In: *Viktimologiya* [Victimology], 2015, no. 2 (4), pp. 72–76.
30. Babayeva V.K. ed. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Nizhny Novgorod, Publishing house of the Nizhny Novgorod Higher School of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 1993. 544 p.
31. Poznyshev S.V. *Osnovnye voprosy ucheniya o nakazanii* [The Main Issues of the Doctrine of Punishment]. Moscow, University typography Publ., 1904. 447 p.
32. Shagiya R.V., Sundurov F.R., Mishin A.V. *Proflaktika pravonarushenii* [Crime Prevention]. Kazan, Publishing House of Kazan University, 1989. 125 p.
33. Radishchev A.N. *Izbrannye filosofskie i obshchestvenno-politicheskie proizvedeniya* [Selected Philosophical and Socio-Political Works]. Moscow, State Publishing House of Political Literature Publ., 1952. 672 p.
34. Stankevich V.B. [Fight against a Dangerous Condition as the Main Task of the New Criminal Law]. In: *Novye idei v pravovedenii. Sb. 1. Tseli nakazaniya* [New Ideas in Jurisprudence. Coll. 1. The Purposes of Punishment]. St. Petersburg, *Obrazovanie Publ.*, 1914. pp. 78–135.
35. Tarde G. *Prestupnik i prestuplenie* [Criminal and Crime]. Moscow, Printing House of I.D. Sytin's Partnership, 1906. 346 p.
36. Ferri E. *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal Sociology]. Moscow, V.M. Sablin, 1908. 624 p.
37. Foinitskii I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The Doctrine of Punishment in Connection with Prison Studies]. Moscow, *Gorodets Publ., Dobrosvet-2000 Publ.*, 2000. 464 p.
38. Batyr K.I., Polikarpova E.V. eds. *Khrestomatiya po vseobshchei istorii gosudarstva i prava. T. 1* [Readings in General History of State and Law. Vol. 1]. Moscow, *Yurist Publ.*, 1996. 391 p.
39. Yeminov V.I. [The History of Criminology]. In: *LEX RUSSICA*, 2009, no. 1, pp. 72–82.
40. Carrington K., Hogg R., eds. *Critical Criminology: Issues, debates, challenges*. Cullompton, UK, Portland, Or., Willan Pub., 2002. 304 p.
41. Delay J., Deniker P. *Méthodes chimiothérapiques en psychiatrie*. Paris, 1961.
42. Gresham M.S. The Rise of Critical Criminology. In: *Journal of Criminal Law and Criminology*, 1974, vol. 65, iss. 2, pp. 205–213.

43. Lombroso C. L'uomo delinquente in rapporto all' antropologia, alla giurisprudenza ed alle discipline carcerarie. Torino, Bocca, 1878. 746 p.
44. Lombroso C. Le piu recenti scoperte ed applicazioni della psichiatria ed antropologia criminale. Torino, Firenze, Palermo, Messina, Catania, Roma, Fratelli Bocca, 1893. 431 p.
45. Paz O., Phillips R. Reflections: Mexico and United States. In: *The New Yorker*, 17.09.1979.
46. Queteler A. Sur l'homme et development de ses focultes, ou Essai de physique sociale. T. 1. Bachelier, Imprimeur-Libraire, 1835. 327 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
e-mail: 12-43aiv@rambler.ru

Шагиева Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата;
e-mail: shagsas@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey A. Ivanov – Doctor of Law, associate professor, professor at the Department of the History of State and Law, Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot;
e-mail: 12-43aiv@rambler.ru

Rozalina V. Shagieva – Doctor of Law, professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, First Vice-President of the Russian Academy of Advocacy and Notaries;
e-mail: shagsas@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иванов А.А., Шагиева Р.В. Основной вопрос криминологии: взгляд сквозь призму истории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2017. № 4. С. 139-155
DOI: 10.18384/2310-6794-2017-4-139-155

FOR CITATION

Ivanov A.A., Shagieva R.V. The Central Question of Criminology through the Prism of History. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2017, no. 4, pp. 139-155
DOI: 10.18384/2310-6794-2017-4-139-155